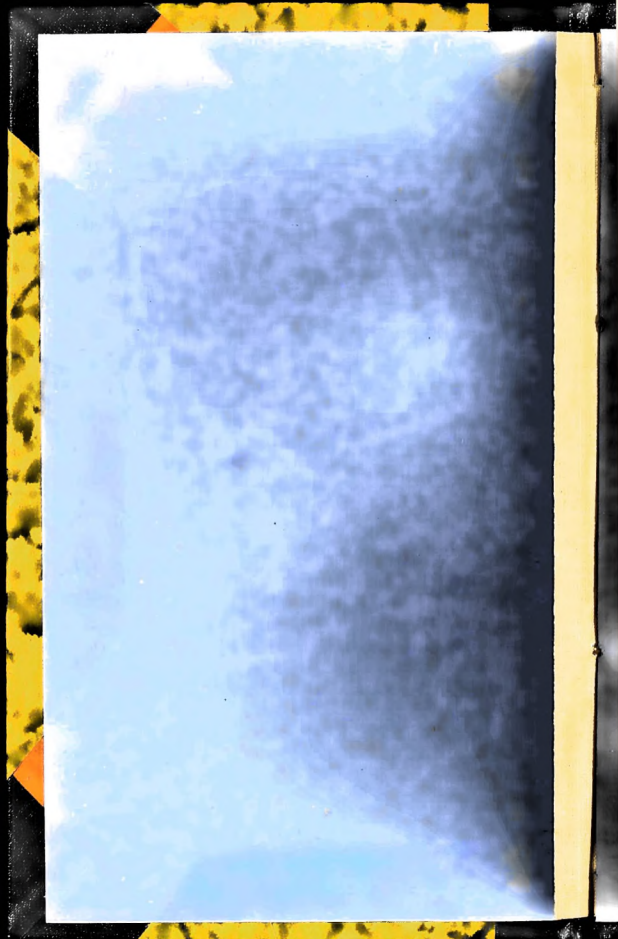

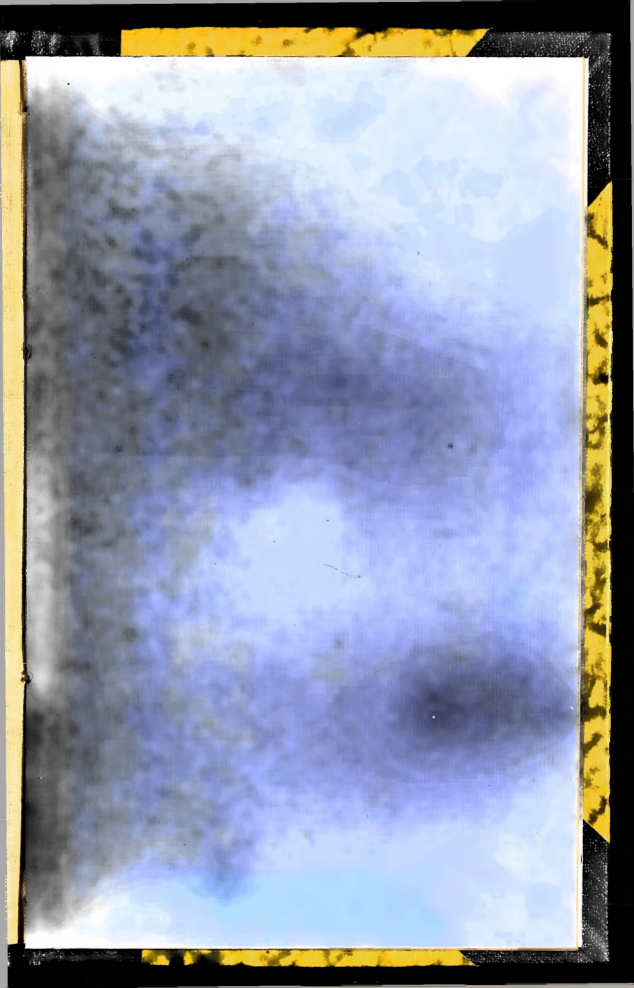
Троцкий Л.
Война с
Польшей.
Изд. 2.
М., 1920

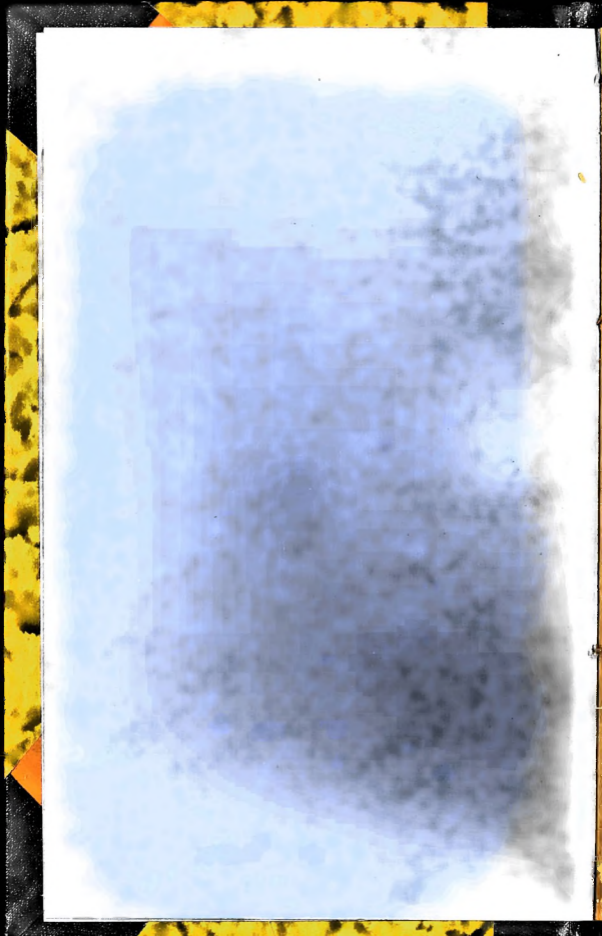
ИМЛ - Библиотека

ЕН 171

В 351

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ЕН171
В351

Л. Троцкий.

Война с Польшей.

Доклад тов. Троцкого на Об'единенном заседании В. Ц. И. К., Московского Совета Раб. и Красноарм. Депутатов, правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 года.

ИЗДАНИЕ II.

МОСКВА 1920 г.

Литературно-Издательский Отдел Политического Управления
Революционного Военного Совета Респуб.ики.

1-й экз

ЕН171
В 351

~~800
11099~~

(1200
28)

2900 с1
36

1062631

Типография «Ш Интернационал».

Война с Польшей.

Доклад Предреввоенсовета Республики на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов, Профессиональных Союзов и Фабрично-Заводских Комитетов.

Председатель. Слово принадлежит товарищу Троцкому.

Троцкий. Товарищи (продолжительные аплодисменты), Северный, Восточный и Южный фронты вылились из Октябрьской революции и гражданской войны. Западный фронт мы унаследовали от старой империалистической войны с Германией и Австро-Венгрией. И первая наша забота, первое наше слово после Октябрьской революции были направлены к тому, чтобы ликвидировать фронт, унаследованный нами от прошлой войны. Задача наша состояла в том, чтобы осуществить мир. Наши злорадствующие враги до сих пор ставят нам в упрек, что мы боролись за мир, восставали во имя этого мира, между тем, на страну нашу обрушились все ужасы внешней и внутренней войны. Но это свидетельствует только о том, что рабочий класс встречает на своем пути жесточайшее сопротивление и без суровой борьбы не может осуществить свои задачи. Путем применения оружия, путем кровавой борьбы он должен уничтожить самые основы строя, из которого вырастает кровавая борьба.

Линия Западного фронта, унаследованная нами от царства, за три года революции изменялась не раз, и в изменениях своих она отражала великие события, которые потрясли Европу и весь мир. Правительство Керенского пыталось в своем злосчастном наступлении изменить линию фронта: это привело лишь к расширению германской оккупации. Как только власть перешла в руки рабочих и крестьянских Советов, мы немедленно сделали попытку ликвидировать Западный фронт и предложили австро-германскому правительству мир. Вы все помните тот трагический период. После мирных переговоров, в которых мы отстаивали мирную программу

рабочей революции, мы оказались вынуждены—ибо были еще слишком слабы—подписать 3-го марта 1918 года мир с могущественнейшим тогда германским милитаризмом. Тогда граница проходила через Ямбург, восточнее Искова и Полоцка. Под тяжелой каской германской оккупации фабриковались из частей старой царской империи мнимо-самостоятельные государства: Маннергеймовская Финляндия, ненависть которой к нам имела чисто социальный реакционно-капиталистический характер, ибо в национальном отношении Советская власть признала независимость Финляндии с первого дня когда начала жить и бороться; направлена была против нас Эстляндия, против независимости которой мы никогда не поднимали голоса; Латвия, Литва и Белоруссия, Польша и наконец, Украина которая была целиком оккупирована к первому мая 1918 года вождями Гогенцоллерна, призванными Киевской Радой.

В тот тяжкий период наша политика в отношении окраинных государств была та же, что и теперь. Мы не только признали и санкционировали независимость Польши, но мы отстаивали эту независимость против всемогущего германского милитаризма. Наша делегация в Брест-Литовских переговорах наотрез отказалась признать представителем независимой Польши правительство Кухаржевского—этого жалкого приказчика берлявских хищников. Германский империализм крайне нуждался—прежде всего, для того, чтобы воздействовать на общественное мнение собственных трудящихся масс—в прямом или косвенном признании с нашей стороны того оккупационного насильнического режима в Польше, который выдавался за национальное самоопределение польского народа. В эту эпоху агенты Гогенцоллерна уже сделали попытку украсть у русской революции эту формулу и сделать ее прикрытием своих захватов и насильий. Мы были слишком слабы, чтобы помочь угнетенной Польше с оружием в руках. Но мы с польским народом против его угнетателей и мы противопоставили грабительской жлб немецкой дипломатии нашу революционную правду о Польше. Смешно и недостойно было бы нам, революционной партии, гордиться, что мы не позволили, хотя бы молча, Гогенцоллернам протитигуровать формулу самоопределения польского народа в те дни, когда мы, так казалось, зависели от Гогенцоллерна... Но можно ли сомневаться, что никакое другое правительство в мире в подобных условиях не отказалось бы оказать эту невесомую, но очень существенную услугу германскому империализму, получив за нее эквивалент в виде облегчения условий мирного договора.

Позже, когда граф Мирбах жил в Москве и бывал даже иногда в ложе этого театра на заседаниях Съезда наших Советов, мы не отступали от нашей позиции ни на вершок.

Мирбах домогался, чтобы мы прямо или косвенно признали, что Польша, раздавленная Гогенцоллерновским сапогом, есть независимая, самоопределившаяся Польша, — мы заявляли в ответ, что вынуждены говорить с германскими палачами Польши, что можем разговаривать и даже можем быть принуждены заключать договор с польским правительством, как с приказчиком всемогущих палачей. Но мы никогда и ни при каких условиях не согласимся заявить, что видим в Польше, распятой германским империализмом, свободный, самоопределившийся народ.

В конце 1918 года, в годовщину нашей Октябрьской революции, произошла революция в Германии, которая для судеб Западного фронта, как и для судеб всего мира, являла и продолжает иметь неизмеримое значение. Всколыхнулись окраинные государства, пробил час освобождения для Украины. Киевской рады, в состав которой входил Петлюра и которая призвала на Украину немецкие войска, давно уже не было: использовав ее, немцы отшвырнули ее обноски и поставили агентом Скоропадского. Он пал вслед за Гогенцоллерном. По Украину прокатилась волна восстаний. Петлюровская клика жаловалась всему миру, что Украину завоевали московские войска. Это — дело давно минувших дней, и после этого Украина видела много перемен. Но все же я считаю нужным установить, что московские войска не принимали в освобождении Украины от Скоропадщины и Петлюровщины почти никакого участия. Установление Советской власти было делом партизанских отрядов, стихийных восстаний, из чего ясно видно, какая власть является подлинно народной и подлинно национальной властью на Украине.

Вслед за Украиной заколыхался весь Западный фронт. Немецкие войска разламывались, снимались, уходили или, оставаясь на месте, не оказывали сопротивления; регулярные красные войска, составлявшие на Западном фронте жидкую завесу, были очень малочисленны и слабы. В их среде были красные латыши, красные эстонцы и красные финны. Эти части двинулись на запад без сопротивления, и, скажу я, почти без руководства.

К марту 1919 года красная территория далеко расширилась на запад, включив в свои пределы Ригу и Вильну. Наша Красная армия была слишком занята в тот период на востоке и юге попеременно и одновременно. На западе волна прилива сменялась волной отлива, и красная территория стала сужаться...

Но если изменялось очертание Западного фронта, если взламывалась в ту или другую сторону его линия, то линия нашей политики оставалась неизменной и была построена на принципе полной, неуклонной и безусловной готовности при-

знать самоопределение народов, которые входили раньше в состав царской империи. Разумеется, нам не легко было втолковать эту истину в головы мелко-буржуазных и буржуазных классов этих стран,—а именно с ними нам приходилось иметь дело. Они слишком привыкли измерять все аршином своих взглядов, симпатий и антипатий. Именно поэтому они не верили в добросовестность наших намерений признать их независимость, именно поэтому они поддерживали всякий шаг, направленный против нас и вынуждали нас бороться против них в то время, как нашей задачей являлось—все силы сосредоточить на хозяйственных нуждах нашей страны.

После того, как при помощи западно-европейского империализма окраинные государства получили возможность создать свои вооруженные силы, они направили их не только против своих собственных рабочих, расправившись с ними жестоко, но также очистили значительную часть территории от советской организации, но и продвинулись значительно на восток. Линия Западного фронта изменилась снова.

Что касается Польши, то после того, как она захватила Литву, Белоруссию и значительную часть украинской и великорусской территории, т.е. к концу прошлого года, казалось, что она достигла известного равновесия в своих аппетитах и в своих силах. Мира с Польшей у нас не было, но военные операции не разворачивались, а имели характер более или менее значительных действий отдельных разведывательных отрядов. Серьезных действий не было. С той и другой стороны все больше укреплялось убеждение, что войне не бывать, что она закончена и что вскоре дипломатия подведет итоги и подпишет худой или добрый, полный или половинчатый, но мир. Так Западный фронт наш стоял под знаком ожидания скорого мира, и наша Советская дипломатия делала все, чтобы пришествие этого мира ускорить.

На этом собрании, которое мы созвали как собрание войны, как выражение всего, что есть в московском пролетариате мыслящего, организованного для того, чтобы кликнуть клич войны по всей стране,—я считаю необходимым подвести итоги последнему периоду работы нашей дипломатии в отношении к Польше, непрерывным усилиям установить с нею мирные отношения.

При всех изменениях в соотношении сил и линии фронта на западе, наша дипломатия держалась одной и той же революционной линии, т.е. признание прав на самоопределение народов, которые раньше содержались под игмом русского царизма и которые, именно поэтому, могут быть недоверчивы и склонны подозревать всякие посягательства на них со стороны России. Только с трудом мы заставляли нашими действиями, а не словами—наших врагов убеждаться в том, что мы еди-

ственной партии, единственное государство, единственная власть в мире, которая действительно признает самоопределение народов.

Но и тут наши враги, в том числе в Польше, говорили: у них, у большевиков, на этот счет нет единства, у них есть внутри разные группировки. Одни признают самостоятельность и независимость Польши, другие отвергают,—у них есть военная партия. Буржуа мерили нас аршином буржуазного государства, где непременно есть военная партия, которая по-людендорфски навязывает свою волю правительству своей страны.

У нас нет военной партии,—у нас есть ясная и отчетливая, кровью десятков тысяч пролетариев пропитанная программа коммунистической партии, и это в то же время программа нашей власти, и эта программа нас обязывает, и то, к чему нас обязывает программа, то мы выполняем, тому мы служим словом и делом, кровью и жизнью в подполье, на баррикадах, и у власти (апломсыменты). С первого же дня, как историей была разбита в дребезги крышка германского империализма над окривлыми государствами, наша дипломатия начала предпринимать шаги, чтобы установить с ними, и не в последнюю очередь с Польшей, мирные отношения. Первое после оккупации польское правительство Морачевского—мелко-буржуазного шовиниста—занималось злобой и дикой травлей против Советской России. В ответ на прямые предложения установления демаркационной линии, перемирия и мира, агенты правительства Морачевского, как вы помните все, убили 2-го января 1919 года нашу делегацию миссию Красного Креста: наиболее мирную из организаций, которую эти «христианские», эти «католические» правительства считают стоящей под знаменем креста. Они убили всех членов делегации и во главе их тов. Веселовского, одного из основателей партии польского пролетариата, заслуженного, преданного, самоотверженного и глубоко гуманного революционера и человека. Это был первый ответ шовинистического мелко-буржуазного правительства Морачевского на мирные усилия нашей дипломатии. Что же, прекращает она свои усилия? Нисколько. С терпением и систематичностью, которые поистине заслуживают высокого признания, она изо дня в день не упускает ни одного случая, чтобы подчеркнуть, что мир возможен и необходим.

Правительство Морачевского пало. Его сменило открыто-буржуазное правительство Падеревского. В первый период Падеревский, как бы склонен был занять другую позицию по отношению к Советской России. Был послан в Москву полу-официальный представитель Александр Венцковский. Комисариат Иностранных Дел немедленно завязал с ним переговоры по всем основным вопросам наших отношений с Польшей. Венцковский уехал в Варшаву. Ответа не было. Опять под-

налась волна буржуазного недоверия и буржуазной несправедливости к Советской России, волна надежд на планы тогда еще стоявшего у власти Клемансо и угрожающего нам с пеной у рта лорда Черчилля. 18-го апреля 1919 года Народный Комиссар по иностранным делам снова поднял вопрос о русско-польских отношениях. Около этого времени польские войска, нарушив все так называемые «правила» войны, переодетными красноармейцами, пробрались в Вильну и захватили этот литовский город. Разумеется, польские шовинисты считали тогда себя могущественными, нас — бессильными. Положение наше на других фронтах было тяжелое. Поэтому, захватив Вильну — столицу Литвы, — правящие польские белогвардейцы сочли своевременным заявить, что с Советской властью, парашающей все международные обычаи, они разговаривать не будут, — они, эти люди, которые убили нашу красно-крестьянскую делегацию, которые передевали своих летчиков, чтобы коровьим образом захватить Вильну.

22-го декабря 1919 года Народный Комиссар по иностранным делам сделал польскому правительству открытое формальное предложение по радио — приступить к мирным переговорам. Тов. Чичерин воспользовался для этого заявлениями польского товарища министра иностранных дел Скаркинского, который нагло и лживо утверждал в Сейме, будто бы Советское правительство никогда не делало мирных предложений Польше. 22-го декабря тов. Чичерин обратился к Польше с формальной нотой по радио, и весь мир ее читал. Ответа, однако не было.

28-го января 1920 года, т. е. через месяц с лишним, за подписями Председателя Совларкома, Народного Комиссара по иностранным делам и Народного Комиссара по военным делам было выпущено новое обращение к польскому правительству и к польскому народу. Это обращение, совершенно формальное и точное, в своих предложениях заключало в себе: во-первых, подтверждение ноты тов. Чичерина от 22-го декабря; во-вторых, категорическое заявление о непрякососновности для нас территории Польши; в-третьих, заявление что мы, выжидая ответа польского правительства и надеясь на перемирие и мир, прикажем нашим войскам не переступать такую-то линию, такую-то черту. Эта линия была названа: это была та черта, по которой стояли в тот период наши войска. Мы заявляли далее в нашей ноте, что у нас не с Германией, чего боялась Польша, ни с какой-либо другой страной нет никакого соглашения, никакой сделки или тайного договора, которые были бы прямо или косвенно направлены против Польши. Наконец, мы заканчивали документ заявлением о том, что между Россией и между Польшей нет ни одного спорного вопроса, который нельзя было бы разрешить мирным путем,

путем дипломатических переговоров, путем плебисцита, поскольку речь шла о спорной территории. Таков был изданный вами документ. Мало всего этого. Не дожидаясь польского ответа, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 2-го января, во время своей сессии, одобрил и подтвердил наше обращение к польскому правительству и польскому народу и выступил с декларацией, в которой снова ясно и отчетливо формулировал мирные намерения и стремления России по отношению к польской Республике.

Итак, 28-го января мы послали нашу ноту. Два месяца потребовалось польскому правительству, чтобы под давлением польских рабочих масс увидеть себя вынужденным дать на нашу ноту формальный ответ. 27-го марта Патеф, польский министр иностранных дел, предложил начать переговоры в Борисове, т. е. в захваченном поляками городке в прифронтовой полосе. Наша дипломатия ответила 28-го, т. е. на другой же день, предложением: во-первых, немедленно установить перемирие, как необходимое условие для мирных переговоров; во-вторых перенести переговоры на нейтральную почву, причем мы намечали Эстонию. Польское буржуазное правительство отказалось наотрез от общего перемирия, предложило ограничиться перемирием только на небольшом Борисовском участке. Другими словами: польское правительство сказала нам: «Перемирия на фронте не будет; ведя переговоры, мы будем и дальше наступать. Вот есть городишко Борисов, который мы у вас захватили. Сюда мы приказываем вам явиться. Здесь, около Борисова, мы для вас устроим перемирие—три сажени направо и три сажени налево, а на других участках, если захотим, будем наступать». Мне сообщали, что архибуржуазная и архи-враждебная нам английская газета «Таймс» писала, что это небывалое требование и неслыханные условия. Так может говорить только опьяневший от победы ясновельможный варвар, который наступил на шею поверженному врагу. Но мы не были повержены, мы твердо стояли и стоим на ногах. Чувство возмущения наглой глупостью варшавских полированных дикарей говорило в нас очень громко, тем не менее наша дипломатия не позволяла говорить голосу чувства, а повиновалась только голосу рассудка. В спокойных словах, от которых некоторых товарищей даже коробило,—как можно отвечать на эту наглую провокацию таким невозмутимым тоном!—восклицали они,—в спокойных словах наша дипломатия объяснила, что Борисова мы принять не можем. Отнюдь не по вопросам престижа, товарищи! Вы знаете слишком хорошо, что мы плевать хотели на то, что буржуазная дипломатия называет престижем. Для нас существуют только интересы трудящихся масс. Если открывается возможность ускорить мир на 24 часа, или хотя бы на 24 минуты, то нас ни-

какле предрассудки «престижа» не останавят. Но здесь вопрос был не в престиже. Но могли ли мы вооруженному до зубов врагу, который продолжал бороться, позволить выбрать то место, где будет перемирие и указывать то место, где его не будет. А если для того, чтобы дать отпор врагу, продолжающему наступать, нам нужно было на этом Борисовском направлении нанести удар,—разве же мы могли позволить врагу связать нас по рукам и по ногам? Совершенно очевидно, что мы должны были ответить отказом. Тем не менее, мы пошли навстречу правительству Варшавы. Мы предложили не только Востонии, к правительству которой мы обратились за разрешением организовать мирную конференцию на эстонской почве и получили любезный ответ. Мы предложили также Петроград, Москву или Варшаву. При этом мы уже не настаивали на общем перемирии. Это было отклонено без объяснения причины. 7-го апреля польское правительство ответило, что оно не вступает больше с нами ни в какие разговоры по поводу места переговоров. Неслыханный, даже по оценке «Таймса», в истории случай, когда правительство воюющей с нами страны ультимативно требует, чтобы мы вели переговоры в городе, который оно у нас захватило, почти на линии огня! Когда же мы предлагали ряд других городов, наших или польских, или нейтральных, нам отвечают: мы с вами не вступаем в переговоры по вопросу о месте переговоров!

Что же наша дипломатия? Наша дипломатия не потеряла своей выдержки. Она не позволила своей линии изогнуться. 23-го апреля она заявила в открытой ноте на весь мир, что помимо любой нейтральной страны, Петрограда, Москвы, или Варшавы, Лондона или Парижа, она предлагает еще один из пунктов польской оккупации; если вам нужно Гродно, то Гродно, хотите Белосток, мы согласны на Белосток. Только, чтобы это не был город в зоне военных действий. Вот ответное предложение нашей дипломатии. Ответа не было. Наша дипломатия со своим предложением обратилась к Антанте, к Англии и Франции, которая стоят за спиною Польши, и предлагали им вмешаться, если они хотят мира и торговых сношений с нами. Ответа не было. Варшавские авантюристы хотели войны во что бы то ни стало.

Тем временем Пилсудский, «начальник государства» как он именуется, и главнокомандующий польской армией, собирал свои дивизии и подготавливал свой петлюровский маскарад для захвата Украины. По части привлечения к делу Петлюры, сего знаменитого воеводы с Сорочинской ярмарки, Пилсудский оказался верным—до рабского повторения деталей—учеником германских империалистов. Когда весной 1918 года немцы решили ограбить Украину, они нашли для своей вывески или для фигового листка жалкую фирму, которая называлась Ки-

евской Радой. Петлюра входил в ее состав и являлся в то время покорным орудием в руках у Гогенцоллерна и Габсбурга. После того, как немецкие империалисты использовали Петлюру, они отбросили этого смехотворного диктатора из украинского водевилья, как ненужную тряпку. После падения Скоропадского, Петлюра продавал свои услуги Антанте и на ее деньги создавал свои банды. Советская революция на Украине, однако, скоро смела его. Теперь, когда Пилсудский, толкаемый самыми гнилыми элементами империализма, бросился на закабаление Украины, он решил снова прикрыться все тем же Петлюрой. И жалкий «гетман», который продавал себя австро-германским генералам и англо-французским империалистам, не упустил, конечно, случая продать себя польским панам. После того, как Пилсудский захватил в марте Мозырь, Каленковичи, Овруч и Режанду, он открыл с 23-го апреля широкое наступление на Волыско-Киевском фронте, захватив Житомир и Жмеринку, а главные силы направил на Киев. В настоящее время польские войска прямо и непосредственно угрожают Киеву и всей Украине, а тем самым и тесно с нею связанной духовным, материальным и военным единством Советской России.

Ворвавшись гнилым волком в Украину, Пилсудский выпустил лисий манифест, который должен разъяснить, что Пилсудский не душит, а освобождает Украину. По этому самому рецепту Вильгельм II освобождал Украину два года тому назад. За Правобережную Украину, где Пилсудский обещает утвердить власть Петлюры (чему верить могут только дураки), Петлюра в обмен отдает Пилсудскому территории, которые лежат к западу от линии Збруч, Стирь или Горынь, т.-е. всю восточную Галицию, западную Волынь, Полесье и Холмский край. Это свыше 100.000 кв. верст, с населением семь с четвертью миллионов душ, из них украинцев белоруссов и великороссов пять с четвертью миллионов. Таким образом, на этой Сорочинской ярмарке великий воевода Петлюра продает пять миллионов украинцев польским панам в обмен на обещание последних сделать Петлюру своим приказчиком на Правобережной Украине.

Против этой отвратительной сделки поднимается не только пролетарий и батрак, не только средний киевский мужик, но даже украинский дулак правого берега Днепра, наиболее отсталого во всех отношениях. Это будет протест и возмущение 99 процентов населения. Непосредственный протест—с винтовкою в руках—против Петлюры и его хозяина Пилсудского, явится полным и несомненным залогом нашей победы в предстоящей нам тяжелой и большой борьбе.

Да, борьба будет тяжелой. Польская армия не малочисленна. Она за последний год формировалась с большим на-

пряженем. У нее не малый резервуар: в нынешних границах Польши около 35 миллионов душ населения. Правда, из них не более 38-ми процентов поляков, и этот факт насильственного режима польских панов не только над своими рабочими и крестьянами, но и над массами других национальностей, будет конечно, разлагающим образом влиять на польскую армию. Но это скажется лишь позже. Точно также, как и классовые противоречия, очень острые в Польше, скажутся очень решительно, но скажутся лишь позже, после нашего решающего удара.

Польский рабочий класс не хотел и не хочет войны. Польское крестьянство от нового режима, от режима Пилсудского и его союзников-шляхтичей, получило только крохи, или вернее получило только обещание дать крохи. Оно не может долго стоять за этот режим, оно не может стремиться к войне, которая принесет ему усугубление государственных налогов, и если война затянется, то и полное обнищание, полное истощение.

Это все бесспорно, но сегодня это еще не всему польскому крестьянству ясно. Еще сильны в нем национальные предрассудки. Польша после долгого гнета еще слишком недавно вступила в состояние независимой республики. Национальная чувствительность еще слишком свежа, медовые месяцы государственной независимости еще не изжиты, и на этих настроениях пытаются основать свою политику «начальник польского государства» Пилсудский. Не изжиты еще недоверие и ненависть наиболее отсталых крестьянских масс к России и к русскому, ибо в их сознании и памяти Россия и русское—есть царь и царское. Вот из этого исторического капитала надеется себе выгнать проценты «начальник государства» Пилсудский.

Таким образом, обширный человеческий резервуар, старые национальные традиции, ныне подновленные созданием республики, старая подозрительность к России и к русскому—вот те элементы, которые являются плюсом на чаше весов у Пилсудского и у тех, кто стоит за ним.

Но в общем его режим есть режим внутренней слабости и не только в основных чертах, но и во многих подробностях напоминает режим Керенского. Неуверенность и разлад проникают сквозь офицерские верхи армии. Там есть две различные организации: офицеры пилсудчики (сторонники Пилсудского) и офицеры народовцы, польские кадеты и октябристы. Эти две организации враждебно перепалываются между собой. Рабочие недовольны. Крестьяне недовольны. Это все элементы жестокой борьбы как внутри верхов, так и верхов с восставшими низами. Но все эти события наступят, как последний подод, как увенчание наших последних усилий. Было

бы величайшей ошибкой полагать, что история начнет с того, что откроет перед нами польскую рабочую революцию и тем самым избавит нас от необходимости вооруженной борьбы. Нет. Пока в Польше широкие массы крестьян и мелкой буржуазии считают, что Антанта есть все, что Антанта располагает всем, что Антанта требует войны с Россией и что Польша для сохранения своей независимости необходимо вестн с нами борьбу, если не из внутренних побуждений, то под давлением силы,—пока этот взгляд, распространяемый и поддерживаемый польскими желтыми газетчиками, имеет еще значительное влияние, нам нет другого выхода, как показать, что кроме силы Антанты, есть другая сила, сила русских рабочих и крестьян, сила нашей Красной Армии (аплодисменты), и что всякое посягательство на границы Советской России и Советской Украины встретит беспощадный отпор.

Сейчас, товарищи, в эти недели, когда рабочий класс России, уставший, недождающий, рвущийся к мирному труду, когда снова выпрямляется для боевых задач, поднимается для беспощадного отпора польской шляхте, в этот период все, что есть в нашей стране честного, мыслящего, опрятного, все это даже при всеогаасии с нашей социальной программой и нашими методами действий, вынуждено признать, что единственная сила, которая сейчас отстаивает независимость русского народа и будущее России, есть русский рабочий класс, есть его правительство, есть Советская коммунистическая власть (аплодисменты). И вот, почему, товарищи, многие из наших вчерашних врагов и сегодняшних принципиальных противников в вопросах социальных, религиозных и пр., вынуждены склониться перед той великой ролью, которую играет рабочий класс, как стержень, на котором держится и без которого упала бы в пропасть наша страна. И здесь приведу пример, по поводу которого я только что письменно был запрошен,—это пример полковника, который играл большую роль в эпоху царизма, который в эпоху Керенского был Верховным Главнокомандующим и который по своему возрасту, который по своему воспитанию не являлся нашим,—это Брусилев. Он обратился к начальнику Всероссийского Главного Штаба с письмом, в котором заявляет, что старое правительство всегда совершало большую ошибку, отказывая польскому народу в независимости, и что Советское правительство поступило вполне правильно, признав эту независимость. Но, говорит он, с того момента, как Польша,—вернее было бы сказать, польская буржуазия, которая ползала на коленях и лизала руку старому правительству, а теперь хочет перегрызть горло русскому народу,—с этого момента, говорит Брусилев, долг каждого гражданина помочь Советской власти. И он предлагает созвать совещание, конечно, не для командования, как опас-

ются некоторые. Брусиков по всему своему прошлому не такой человек, чтобы в организацию командования вносить коллегальность. Для этого он человек слишком опытный в военном деле. Он предложил созвать авторитетное военное совещание для того, чтобы разработать вопросы снабжения, пополнения, воспитания командного состава, лучшего использования железных дорог и пр.

Брусиков человек другой эпохи, другой школы, и у него, несомненно, взгляды, которые далеко отстоят от наших. Но с того самого момента, когда он открыто, честно и мужественно заявляет, что он хочет своими знаниями и опытом помочь в борьбе русскому рабочему классу, мы говорим ему: честь и место (аплодисменты). Мы в этой ужасной борьбе примем поддержку и помощь всех честных граждан. Мы были против того, что германцы называют *Burgfrieden*, что означает «гражданский мир». Мы были против мира поработанного пролетариата с грабительской буржуазией. Мы говорили: «не гражданский мир», а гражданская война! Но когда рабочий класс выступает на борьбу во имя своей независимости и свободы, и когда представители других общественных классов, уже лишенных преимуществ и привилегий, признают руководство рабочего класса и идут к нему на помощь, мы говорим, что такую поддержку мы принимаем, приветствуем и используем всеми силами (аплодисменты).

Товарищи, я хотел бы, чтобы главный вывод, который вы из этого собрания вынесете, состоял в том, что борьба, которая нам предстоит, будет тяжелой и напряженной борьбой. Польская буржуазия знает, что она, нападая на нас, поставила всю свою судьбу на карту. И те, кто за ее спиной, знают, что белогвардейская Польша, угнетающая польский пролетариат, который связан с Петроградским и Московским пролетариатом десятилетиями совместной революционной борьбы, — что эта белогвардейская Польша стремится меж нами и Европой воздвигнуть барьер. Польские шляхтичи говорят, что русских, этих варваров и скифов, нужно отодвигать дальше на Восток. А мы стремимся на Запад, навстречу Европейскому пролетариату, который знает, что мы можем встретиться с ними не иначе, как только над трупом белогвардейской Польши, в свободной и независимой Рабоче-Крестьянской Польше (аплодисменты).

Борьба будет ужасна. Но если вы меня спросите о шансах этой борьбы, то я вам скажу, что никогда уверенность в том, что мы выйдем победителями, сокрушив врага до конца, не была во мне так сильна, как в этот раз. Мы воюем два с половиной года непрерывно, и кое-чему за это время научились. Конечно, у нас есть и будут неустойки; такие, как в Житомире и покрупнее. На Западном фронте, который у нас был вто-

ростепенным и через голову которого наши дипломаты долго вели переговоры, на этом фронте Пилсудскому было не трудно нанести нам удар. Но у нас есть резервы и подкрепления. Когда мы переводили нашу армию с военного положения на трудовое, мы говорили: мы перематываем военную силу с мотка ниток на клубок. Но если наши враги, видя наше переустройство, решат, что оно происходит потому, что мы устали, и хотим сдаться, то мы повернем все назад и будем с клубка перематывать на моток (аплодисменты). Это теперь и происходит. Наши железные дороги, обогретье солнышком и усиленные тысячами работников, заработали с двойной энергией. Наши полки труда со всех сторон пойдут на Западный фронт. Несомненно, эти полки нуждаются в том элементе, который есть соль нашей армии, т.е. в передовых рабочих. У нас было не раз, что молодой политически незрелый полк, не проявлял достаточной энергии и крепости, но достаточно было придать ему одну горсть нашей соли, то-есть группу коммунистических рабочих, и моментально получался совершенно другой результат. Мы объявляем поэтому партийную мобилизацию и предупреждаем, что борьба будет тяжелой и упорной. Мы, со своей стороны, приняли все меры к обеспечению предстоящей зимней кампании, прежде всего в отношении снабжения.

Первый наш парад выполнен,—коммунисты Петрограда, которые уже находятся здесь, в нашей среде, выступают сегодня на фронт. Очередь за москвичами и за всей остальной страной. Коммунистов на Западный фронт!

Снова, оторвавшись на время от хозяйственной работы, они придут на Западный фронт и скажут там скопившимся и скопляющимся там многим и многим десяткам тысяч красноармейцев-крестьян и рабочих: мы, пролетарии Москвы и Петрограда, пришли к вам, как посланцы из самого сердца нашей страны, ибо этому сердцу угрожает опасность от польской шляхты и польской буржуазии. Не для того же, братья-крестьяне, мы проливали кровь в нашей стране, чтобы склониться теперь, подобно рабам, пред насилием, чтобы наши головы покорно просунуть в ярмо Пилсудского и его могущественных хозяев. Если польские паны хотели войны, если они навязали нам войну, то эта война и громы ее, и бедствия ее будут обращены на их головы, а победа будет за нами, победа за рабочей Россией. (Аплодисменты).

1062631

БИБ. КА
 10-го мар
 при ЦК ВКП(б)

1р.

Ц-3-р.

